

МАРИ
ЛЮБРОН
АВТОР

FELIX
BOUTIQUE

ФЕЛИКС

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ЕГО ПРОШЛОЕ – ЕГО ТЕНЬ.
ОНА – ЕГО ИСКУПЛЕНИЕ.

МАРИ ЛЮБРОН

Феликс

«Автор»

2026

ЛЮБРОН М.

Феликс / М. ЛЮБРОН — «Автор», 2026

Он вернулся с войны, но война так и не отпустила его. Киев, 2010 год. Бывший миротворец, владелец дорогого бутика мужской одежды, мужчина, который привык всё держать под контролем. Днём он продаёт безупречные костюмы, ночью просыпается в холодном поту от кошмаров, которые невозможно забыть. Она живёт совсем в другом мире — мире, где любовь давно стала товаром, а доверие может стоить жизни. Их встреча изменит обоих. «Феликс» — это не история о красивой любви. Это роман о людях, сломанных войной, насилием, зависимостями и собственными решениями. О тех, кто отчаянно пытается сохранить в себе человека там, где надежды почти не осталось. Без идеальных героев. Без счастливых сказок. Только жизнь такой, какой она иногда бывает. 18+ Книга содержит откровенные сцены сексуального характера, ненормативную лексику, употребление алкоголя и наркотических веществ, а также описание психологических травм, проституции, насилия и смерти.

© ЛЮБРОН М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	32

МАРИ ЛЮБРОН

Феликс

Глава

Глава 1

Феликс вынырнул из сна резко, с рваным вдохом, будто его вытолкнуло со дна затянутого тиной омута. Сердце колотилось в ребра, во рту пересохло, а мокрая от липкого пота футболка неприятно липла к груди и лопаткам. Спертый воздух спальни казался густым и тяжелым.

Опять.

Он сел на край кровати и сжал виски ладонями, пытаясь заставить пальцы перестать мелкой мелкой дрожью перебирать коврик. Как же он устал. В горле горчила вчерашняя дешевая дрянь — полбутылки виски, которые он залил в себя с вечера в надежде просто выключить мозг, не сработали. Как не срабатывали ни тяжелые таблетки, выписанные нервным врачом из госпиталя, ни травяные сборы, от которых во рту оставался только аптечный осадок. Кошмары не уходили. Они ждали, пока он потеряет бдительность, и сворачивались тугой змеей на его груди каждую ночь.

Превозмогая тошноту, Феликс поднялся. Ноги были ватными. Он подошел к окну и прислонился лбом к прохладному стеклу — этот контраст хоть как-то возвращал к реальности. Ему нужно было лично убедиться, что он здесь. В своей квартире. Не там.

За окном просыпался серый, зябкий город 2010 года. По серому асфальту, огибая лужи, спешили на работу прохожие в темных куртках. Женщина тянула за руку упирающегося малыша в комбинезоне — торопилась успеть до закрытия дверей в детском саду. Чуть дальше двое школьников, громко хохоча, пинали пустую пластиковую бутылку, нацепив на спины громоздкие ранцы. Из подворотни соседнего дома выезжал старенький «Жигули», обдавая тротуар сизым выхлопным дымом. На тумбочке у кровати тикал тусклый дисплей электронных часов, а рядом тихо гудел пузатый телевизор — диктор заученным тоном рассказывал про утренние пробки и последствия кризиса.

Обычное, серое утреннее существование. Но для Феликса этот мир был за стеклянной стеной.

После пяти лет в составе миротворческой миссии в Африке он не мог смотреть на эту спокойную жизнь без внутреннего содрогания. Мысль о собственной семье, о детях, вызывала у него почти физическое отторжение. Как можно приводить кого-то в этот мир, когда он видел его настоящую, гнилую изнанку?

В его памяти навсегда въелась раскаленная от солнца красная пыль, запах сгоревшего дизеля, смешанный с запахом крови, и безумные глаза боевиков. Каждую ночь в его снах снова звучали истошные крики, снова перед глазами рушились жизни: женщины, юные девушки, совсем дети, у которых отобрали всё прямо на его глазах. Африка осталась далеко в прошлом, но ее призраки цепко держали его за горло, не давая сделать ни одного свободного вдоха.

Достав из пачки сигарету, он чиркнул зажигалкой и жадно затянулся, выдыхая сизый дым в форточку. Мысли постепенно возвращались в рабочее русло. Сегодня нужно заехать в магазин. Проверить, как справились с новой коллекцией: выставили ли все позиции, переодели ли манекенов в свежие костюмы-тройки и разложили ли по полкам поставку классических туфель из Италии.

Иногда ему самому казалось странным, что после возвращения с миссии он решил открыть именно бутик мужской одежды. Продлевать контракт в Африке он отказался наотрез — психика просто не выдержала бы еще хоть одного дня в том хаосе. Ему жизненно необхо-

дима была структурность. А в одежде всё было понятно и строго. Хороший костюм должен идеально сидеть по фигуре. Качественная кожа должна служить годами. В этом мире существовали чёткие правила, логика и безупречный порядок — всё то, чего так отчаянно не хватало там, где человеческая жизнь не стоила и ржавого патрона.

Бутик быстро встал на ноги. В нем одинаково уверенно чувствовали себя и крупные бизнесмены с депутатами, и обычные клерки, копившие месяцами на один безупречный смокинг для свадьбы. Феликс мог часами помогать клиенту подбирать идеальную посадку для его самого главного дня, хотя сам уже давно был уверен, что никогда не примеряет роль жениха.

Операционкой и салоном заправляла Лиза. Стоило вспомнить о ней, как тяжелое напряжение в плечах немного отпустило. Лиза умело совмещала в себе две роли — надежного друга и страстной любовницы. Это был идеальный, молчаливый союз, не обремененный никакими обязательствами. Любые серьезные отношения пугали Феликса, требуя эмоциональных ресурсов, которых у него просто не было. Лизочка это прекрасно чувствовала. Она с самого начала приняла его правила: не задавала лишних вопросов, не лезла в израненную душу с жалостью и никогда не требовала от него больше, чем он мог ей дать. Она знала, что он не способен предложить ей романтическое будущее с кольцом и белым платьем, но её вполне устраивал этот честный, понятный взрослый формат.

Когда кофе в чашке остыл, а дым от сигареты рассеялся, физическое присутствие Лизы отозвалось внизу живота привычным, тяжелым жаром. Ей не нужно было ничего объяснять: она умела так же легко и без лишней драмы дать ему нужную телесную разрядку, помогая сбросить накопившийся за дни бессонницы стресс. Жаль, что сейчас ее не было рядом — утренний стояк давил, мешая сосредоточиться, и в голове крутилось лишь сухое желание сбросить этот гул перед выходом из дома.

Затушив почти догоревшую сигарету в пепельнице и направился в ванную. Сбросив на пол промокшую от пота футболку и спортивные штаны, он шагнул под ледяные струи душа. Вода обжгла кожу, заставив его судорожно вздохнуть и упереться ладонями в кафельную стену. Старое травмированное плечо чуть потянуло от резкого холода — тело, пережившее слишком многое, тихо напоминало о трех десятках прожитых лет. В тридцать он ощущал себя не парнем, а выносливым, проверенным механизмом.

Он поднял голову и посмотрел в запотевшее зеркало, никогда не разглядывал себя с восхищением — для него это была лишь ежедневная проверка инструмента на прочность. Он провел пальцами по старому, поблекшему рубцу на ребрах, убеждаясь, что все в порядке.

В отражении за пеленой пара угадывался человек огромного роста — два метра и три сантиметра плотных мышц и жил. Годы, проведенные в тренажерном зале с тяжелым железом, превратили его фигуру в подобие античной статуи: мощная широкая спина, узкие бедра, подтянутые ягодицы и рельефный пресс, от которого кубики спускались ниже, к самой паховой зоне. По его широким предплечьям и кистям выпуклыми канатами вились темные вены, подчеркивая сухую, физическую силу.

Его кожа была настоящей картой. Насыщенные черные и серые татуировки почти полностью покрывали спину, руки, плечи, грудь и живот, уходя сложными узорами вниз, за линию бедер. Каждая линия здесь была попыткой перекрыть и закрыть изнутри воспоминания о войне.

Феликс привычным, въевшимся за десять лет движением провел мокрой ладонью по густой, аккуратно подстриженной бороде. Он начал носить ее еще в Африке — там, среди пыли и хаоса миссии, бритье казалось глупой и бессмысленной тратой времени. С тех пор борода стала частью его брони. Мокрые темные волосы на голове были подстрижены очень коротко, с четкой, идеальной окантовкой на висках и затылке.

Он выключил кран и взялся за тяжелое полотенце. Ледяная вода смыла с кожи липкий пот и утренний запах перегара. Но Феликс прекрасно знал: она не способна смыть войну.

Можно вытереть капли с тела, но то, что въелось в память под Африканским солнцем, остается с тобой навсегда.

Сжав зубы, он вышел из ванной — чистый, собранный и готовый надеть свой новый «доспех» в виде дорогого костюма.

Вернувшись в спальню и подошел к гардеробной. Каждое утро процесс выбора одежды превращался для него в ритуал сборки — он не просто одевался, а надевал роль успешного, спокойного человека, натягивая привычный доспех, чтобы держать дистанцию с внешним миром.

Он снял с вешалки черный пиджак миланского кроя. Пальцы привычным, профессиональным движением прошли по лацкану, оценивая плотность шерсти, а затем скользнули по плечевому шву — идеально ровная строчка, ни единого изъяна.

Одежда должна была лежать безупречно. Ткань мягко облегла его двухметровую фигуру, скрыв шрамы и подчеркнув размах плеч. Никаких офисных галстуков и накрахмаленных рубашек. Под пиджак Феликс надел простую черную футболку, закрывавшую грудь и оставлявшую видимой лишь окантовку аккуратной бороды да татуировки, поднимавшиеся по шее.

На правое запястье опустили тяжелые часы из белого золота. Феликс не терпел кричащей роскоши, поэтому сознательно избегал желтого металла. Белое золото смотрелось сдержанно и со стороны напоминало обычную сталь — только он сам знал реальную стоимость этой вещи. На левом запястье красовались несколько широких полос из темной, слегка потертой кожи — грубый штрих к строгому силуэту.

С тумбочки он забрал тяжелый металлический слайдер — **Nokia 8800 Arte**. Корпус из вороненой стали приятно охлаждал ладонь. Сдвинул крышку вверх, проверяя пропущенные, и с глухим, знакомым щелчком задвинул ее обратно, убрав телефон во внутренний карман пиджака.

Маска была надета. Теперь он был готов шагнуть в этот город.

Вышел из квартиры, привычным движением повернул ключ в замке и на секунду замер, проверяя, плотно ли встал ригель. Проверить замки, оценить обстановку, убедиться в контроле над пространством — въевшаяся бытовая привычка. Он спустился по лестнице, и его тяжелые, размеренные шаги гулким эхом отдавались в подъезде.

На улице встретил прохладный, влажный воздух утреннего города. На парковке стоял его черный **BMW X5 E70** — машина, в которой человеку двухметрового роста наконец-то не казалось, что он зажат в консервной банке.

Прежде чем сесть в салон, на секунду замер. По старой привычке он не торопясь обошел автомобиль по кругу. Взгляд сухо зафиксировал детали: чистые стекла, целые зеркала, правильное давление в шинах. Обычная проверка транспорта перед выездом, за годы ставшая незаметным ритуалом.

Убедившись, что все в порядке, он открыл тяжелую дверь и опустился на кожаное кресло. Пристегнул ремень безопасности, повернул ключ в замке зажигания, и трехлитровый мотор отозвался глухим, низким рыком. На штатном дисплее зажглась подсветка, и чейнджер привычно запустил CD-диск. Из колонок раздался знакомый гитарный перебор и уставший голос Маргуна:

«Полковнику никто не пишет, полковника никто не ждет...»

Песня мгновенно, без предупреждения, дернула глубокий внутренний крючок. На долю секунды шум современного города 2010 года растворился.

Память ослепила его выжигающим глаза солнцем Африки. Вспомнился раскаленный капот обшарпанного джипа, разбитая грунтовка, висящий в воздухе пыльный кисель и этот же самый трек, жужжащий из хрипящего магнитофона по кругу. Тогда они ехали сквозь чужую, опасную землю, и эта песня на затертом самописном диске была единственной связью с домом, с нормальной жизнью...

Глубоко выдохнул, пальцы сильнее сжали кожаную оплетку руля. Под бородой заходили желваки. . Он медленно моргнул, стряхивая нахлынувший фантомный запах африканской пыли.

Жедленно вывел тяжелый внедорожник во дворы и взял курс на Окружную. За окном привычно потянулись серо-бетонные пейзажи Борщаговки — панельные девятиэтажки, шумящие стихийные рынки и битые жизнью маршрутки. При его доходах он давно мог позволить себе пентхаус в центре, но не видел в этом ни малейшего смысла. Борщаговка была понятной, грубой и настоящей.

Пока машина шла вдоль обочин Окружной, он мельком оглядел привычные «точки». Девушки легкого поведения кучковались у раскладных столиков с термосами. Рядом с ними продавцы прямо на обочине заваривали паршивый кипятик, насыпая из ярких пакетиков растворимый Jacobs или MacCoffee — единственный способ согреться в эту осеннюю сырость. В самые паршивые, беспросветные ночи, когда бессонница гнала его из пустой квартиры, а виски не помогал, он изредка останавливался. Парковал тяжелый внедорожник на обочине и просто отдавал деньги за час их времени, опуская стекло.

Постепенно спальные массивы остались позади. Город словно натягивал другой наряд: широкие проспекты сменились старыми особняками, за золочеными куполами показался центр, и медленно свернул на Андреевский спуск.

Широкие колеса BMW негромко застучали по старой булыжной мостовой. Камень здесь был отполирован тысячами подошв и десятилетиями дождей. Атмосфера сменилась мгновенно. Продавцы и художники только начинали раскладывать картины вдоль стен, у входа в уютную кофейню девушка протирала витринное стекло, а над всем этим тихим движением белела Андреевская церковь. Этот район никогда не спешил так, как остальной Киев.

Припарковав машину неподалеку от массивных стеклянных дверей своего бутика. Накинул пиджак, поправил манжеты и тяжелые часы из белого золота, после чего шагнул к входу.

За витринным стеклом уже горел мягкий, теплый свет. Салон был полностью готов к открытию, а у стойки с документами его ждала Лиза.

Толкнул тяжелую стеклянную дверь. Внутри бутика пахло тем, чем и должен пахнуть дорогой салон — качественной выделанной кожей, сухой шерстью и тонким ароматом хорошего парфюма. За стойкой, уткнувшись в пачку таможенных деклараций и накладных, стояла Лиза.

Ей было двадцать восемь. Среднего роста, брюнетка с длинными черными волосами и внимательными серыми глазами. Назвать её классической идеальной красавицей из глянца было нельзя, но Лиза обладала редким качеством — она была настоящей. В ней не ощущалось ни капли той стервозной, фальшивой пошлости, которую Феликс терпеть не мог в городских кокетках. Под привлекательной внешностью скрывалась удивительно мягкая, добрая и нежная натура. И при этом — глубоко ранимая.

Феликс знал, что она в разводе и одна растит восьмилетнего сына. О причинах распада её брака он никогда не спрашивал — не лез в душу, точно так же, как и она бережно не трогала его внутренние шрамы.

Единственным уязвимым местом Лизы в работе была её повышенная тревожность. Как гиперответственный управляющий, она принимала близко к сердцу каждую логистическую сбойку. А в этом году доставка брендовых вещей из Милана и Парижа напоминала минное поле.

Вот и сейчас, едва завидев Феликса, Лиза подняла на него тревожный, невыспавшийся взгляд.

— Застряли на Краковце, — без предисловий, слегка дрогнувшим голосом произнесла она, заправляя прядь черных волос за ухо. — Итальянские туфли и вся осенняя линейка костюмов. Таможенники опять уперлись в индикативные цены, требуют корректировку стоимости

или отправляют фуру на полный досмотр. Феликс, если они вскроют коробки и начнут перерывать ручную работу, или если мы провисим на таможенном складе еще неделю... у нас сорвется примерка у депутата, мы обещали ему тройку к пятнице.

Феликс подошел ближе. Ему достаточно было просто встать рядом — огромному, спокойному, монолитному — чтобы градус паники в помещении начал спадать.

— Лиза, выдохни, — тихо и ровно сказал он, накрыв её дрожащую ладонь своей широкой, горячей кистью. — Ничего с товаром не случится. Сейчас решим вопрос с таможней.

Феликс снял пиджак и аккуратно повесил его на деревянные плечики. Из внутреннего кармана он достал **телефон**. Тяжелый, ощутимый вес металлического бруска привычно лег в ладонь. Палец скользнул по холодному корпусу, и раздался тот самый глухой, узнаваемый щелчок раскрывающегося слайдера — ритуал, дающий пару секунд на концентрацию.

Он пролистал короткую телефонную книгу и остановился на имени: *Алексей Владимирович*.

На долю секунды в глазах вспыхнула короткая, рваная обойма кадров:

Раскаленный металл узника. Липкая, темная кровь на собственных пальцах. Алекс, хрипло пытающийся сделать вдох. Ревущий на пределе мотор и собственный крик сквозь шум ветра: «Не отключайся, сука, не отключайся!»

Вспышка погасла.

Лиза увидела, как мгновенно изменилась его осанка. Плечи едва заметно развернулись, а в голосе, когда он нажал вызов и приложил трубку к уху, появилась та сухая, стальная собранность, от которой у нее всегда перехватывало дыхание:

— Привет, Алекс. Извини, что рано. Моя машина висит на Краковце. Итальянский текстиль и обувь. Таможня начинает крутить с индикативными ценами и угрожает полным досмотром.

— Номер декларации и перевозчика скинь СМС-кой, — без паузы и лишних расспросов ответил прокуренный голос в динамике. — Через полчаса свяжусь со сменой на посту. Всё сделают в лучшем виде, не переживай. Костюмы твои не пожмут.

— С меня хороший коньяк.

— С тебя нормальный разговор, когда будешь в моих краях. На связи.

Тяжелый щелчок слайдера поставил точку. Феликс убрал телефон во внутренний карман.

— Зайдут без досмотра, — сказал он, подходя к стойке. — В обед машину оформят и выпустят с поста. До Киева ей пилить еще километров шестьсот, так что к вечеру фура будет на складе. Успеваем.

Лиза смотрела на него совсем иначе. Паника, еще минуту назад заставлявшая ее нервно перебирать накладные, выдохлась. Она уже не раз замечала этот едва уловимый внутренний переключатель, и каждый раз он действовал на нее как сильнейшее успокоительное. Рядом с этим человеком любые проблемы переставали казаться неразрешимыми.

Лиза медленно выдохнула, оперлась о стойку и впервые за утро улыбнулась — искренне, чуть устало, заправляя густую черную прядь за ухо:

— Слава богу... Наш депутат все равно записан на вечер пятницы, так что завтра успеем всё разгрузить, отпарить и подготовить. Спасибо, Феликс... Я сейчас заварю кофе. Тебе как обычно?

— Да, как обычно. Эспрессо, без сахара, — ответил и повернулся к своему кабинету.

Кабинет находился в глубине бутика, за тяжелой матовой дверью — небольшое, строгое пространство с массивным дубовым столом, где он мог побыть в тишине. Прошёл внутрь, опустился в кресло и откинулся на спинку.

Лиза прошла в небольшую подсобку, где стояла дорогая итальянская кофемашина — салон держал марку во всём, и клиентам здесь предлагали только свежесваренную арабику. Раздался глухой, мерный гул помпы, и помещение наполнилось плотным, терпким ароматом.

Лиза достала из шкафа две тяжелые фарфоровые чашки. Она уже знала, какую он выберет, знала, что он не положит сахар и почему всегда ждет пару минут, пока кофе немного остынет.

Зайдя в кабинет, она поставила чашку на край стола перед Феликсом.

— Как спал? — спросила она негромко, опершись о край дубовой столешницы.

Феликс молчал несколько секунд, глядя на темную пенку в чашке.

— Почти никак.

Она едва заметно кивнула. Ответ был ей слишком хорошо знаком.

— Опять?

— Опять.

В кабинете повисла тишина, нарушаемая лишь тихим тиканьем его тяжелых настольных часов и далеким шумом просыпающегося Андреевского спуска. Лиза не задавала лишних вопросов. Ей не нужно было объяснять, что значат эти ночи.

— Знаешь... — наконец произнес Феликс, поднимая на нее тяжелый, но уставший взгляд.
— Сегодня утром вспомнил о тебе.

На его лице впервые за всё утро появилась едва заметная, едва уловимая улыбка — только край губ чуть тронулся вверх.

— Это хороший знак или плохой? — негромко спросила Лиза, чуть приподняв брови.
— Что именно тебя заставило вспомнить обо мне?

Феликс не стал увиливать или оборачивать слова в красивую обертку. В его возрасте и с его опытом не было смысла играть в недомолвки. Он посмотрел ей прямо в серые, внимательные глаза и ответил честно, открыто, с той сухой искренностью, которая от него всегда исходила:

— Утром, когда проснулся в пустой квартире, ужасно хотел услышать твой голос. Почувствовать твои губы. Я хотел бы доставить удовольствие тебе... и себе тоже.

Слова прозвучали глухо, без тени пошлости или развязности — просто констатация сильного, давно знакомого им обоим желания.

Лиза замерла. От этой прямой, мужественной откровенности у нее перехватило дыхание, а по коже прошла мелкая, крупная дрожь. Внутри всё мгновенно отозвалось, поплыло от вспыхнувшего жара. Она сама хотела его — этой тяжелой, спокойной силы, этой надежности, которая сейчас стояла напротив. Феликс медленно поднялся из-за стола. Его возбуждение было явным, нескрываемым — плотная ткань брюк отчетливо выдавала тяжелое, упрямое напряжение тела.

Он подошел к Лизе почти вплотную, перекрывая собой свет из окна, и опустил ладонь ей на грудь. Пальцы медленно скользнули по шелку блузки, очерчивая вырез декольте, чуть касаясь горячей кожи на ключицах. Это было неторопливое, почти немое требование разрешения.

Лиза лишь судорожно, громко выдохнула, подаваясь вперед и окончательно сжигая остатки дистанции между ними.

Он развернул её к себе спиной, одним движением задрал юбку к животу и уверенно поставил Лизу на четвереньки прямо на стол.

Его ладони легли на её ягодицы, поочередно поглаживая и сжимая горячую кожу. Затем он припал к ней губами, покрывая её тело поцелуями, а когда пальцы случайно коснулись её влажной, отзывающейся на каждый жест плоти, он окончательно потерял контроль. Нагнувшись, он запечатлел долгий поцелуй на её ягодице и спустился ниже — к самому эпицентру её желания.

Он приник к ней и глубоко толкнулся языком внутрь, задавая рваный, откровенный ритм. Почувствовав её отклик, он прогнул её спину сильнее — так ему открылся идеальный доступ, позволяющий одновременно доставать языком до чувствительного, налившегося клитора. Он то ласкал его широкими движениями, то дразняще постукивал кончиком языка.

Когда её тело отозвалось ещё большей влагой, он ввёл в неё два пальца и начал ритмично двигать ими внутри. Лиза не громко стонала, в такт его движениям то бессильно опуская голову на стол, то запрокидывая её назад от захлестнувшего наслаждения.

Он не дал ей дойти до пика, потому что сам уже был на грани. Стянув её со стола, он уложил Лизу животом на столешницу так, чтобы её ноги продолжали стоять на полу.

Растёгнув брюки, он освободил свой член — внушительных, невероятно крупных размеров. Наклонившись ближе, он коснулся головкой самого входа, медленно поглаживая её чувствительные губы и собирая ею её горячую влагу. А затем так же медленно, протяжно вошёл внутрь.

Лиза сладостно застонала. Он замёрз на мгновение, давая ей возможность прочувствовать себя полностью. Впрочем, погрузиться до самого конца он всё равно не мог — он был слишком велик для неё.

Он начал двигаться: сначала неторопливо, смакуя каждый миллиметр и растягивая наслаждение, а затем постепенно набрал темп. Его пальцы крепко сжимали её бедра. Лиза уже находилась на самом пределе.

Её мышцы начали судорожно сжиматься вокруг него, и Феликс ещё сильнее ускорил ритм. Стоны Лизы становились всё громче и откровеннее. Понимая это, он накрыл её губы ладонью, приглушая звуки, чтобы их случайно не услышали другие сотрудники бутика.

Она продолжала пульсировать и сжимать его изнутри. Феликс стойко держался, давая ей выпить этот оргазм до последней капли. И только когда волна её наслаждения пошла на спад, он плавно вышел из неё.

Обхватив член рукой, он сделал всего пару быстрых, рваных движений и с глухим, сдавленным стоном кончил прямо ей на ягодицы.

Взяв со стола салфетки и заботливо вытер Лизу. Она развернулась к нему, тяжело дыша, и посмотрела прямо в глаза:

— Это было великолепно.

В ответ он улыбнулся — широкой, редкой для него, но совершенно искренней улыбкой — и нежно поцеловал её в губы:

— Ты была прекрасна.

Они быстро привели себя в порядок. Лиза поправила юбку и блузку, пригладила растрепавшиеся волосы перед небольшим зеркалом, а Феликс застегнул ремень брюк и расправил футболку, снова возвращая себе привычный, собранный вид. Времени на нежности не оставалось: из зала уже доносился тихий шум — остальные сотрудники и продавцы переступили порог магазина, и бутик готовился к открытию.

Феликс остался в кабинете один. Он подошел к столу, взял тяжелую фарфоровую чашку и сделал глоток — эспрессо уже полностью остыл, став горьким и плотным.

В этот момент на столе сухо и громко завибрировал телефон. На экране высветилось: «Алексей Владимирович».

Феликс ответил на звонок и поднес трубку к уху:

— Слушаю.

— Живой? — в динамике раздался знакомый, чуть хриплый голос Алекса. На фоне слышался гул дороги. — Короче, пробили твою фуру. Вышла с Краковца, документы закрыли. К вечеру обувь и текстиль будут у вас на складе.

— Что там застряло? — Феликс чуть откинулся в кресле, нахмурившись.

— Да польские перевозчики в накладных намудрили, а наши на Краковце сразу зацепились. Внесли текстиль и кожаную обувь в разные категории и начали крутить с таможенной стоимостью. Хотят пересчитать всё по верхним индикативам, плюс досмотр со вскрытием каждой коробки. А это минимум на неделю задержка.

— Как решили?

— Вышел напрямую на старшего смены. Объяснил, что груз чистый, контракт прямой с Миланом. Подняли архивные декларации, подтянули старые акты и закрыли вопрос без досмотра. Но передай своим логистам: пусть итальянцы впредь разбивают обувь и ткань по отдельным спецификациям, а не валят всё в одну кучу.

— Понял. Спасибо, Алексей. С меня долг.

— Сочтемся. На связи.

В динамике раздались короткие гудки. Феликс положил телефон на стол. Главный риск дня был снят.

Феликс поправил манжеты рубашки, открыл тяжелую дверь кабинета и вышел в торговый зал.

В бутике уже кипела привычная предрабочая суэта. Зал пах дорогой кожей, полированным деревом и свежими лилиями. Лиза стояла у центрального стойки-острова, проверяя кассовые книги и на ходу отдавая спокойные, точечные указания персоналу. Ни один жест, ни одна деталь в её осанке не выдавали того, что всего десять минут назад происходило за закрытой дверью.

У витрины с аксессуарами работала Николь. Ей было едва за двадцать, но она уже умела подавать себя с той отточенной уверенностью, которая обычно приходит с опытом. Сняв с подставки кожаный поднос, она поправляла шелковые галстуки, но угол её зрения оставался направлен на кабинет. Появившийся на пороге Феликс мгновенно изменил её пластику: движения стали более плавными, осанка вытянулась.

— Феликс Викторович, доброе утро, — прозвучал ее ровный, приятно поставленный голос. Николь шагнула навстречу, чуть склонив голову. — Я как раз хотела предложить вам эспрессо. В свежую обжарку сегодня добавили немного корицы, как вы любите.

Феликс даже не затормозил. Его взгляд скользнул по ней скользом, удерживая дистанцию.

— Не нужно, Николь. Займись переоценкой ремней, — отрезал он низким, рабочим тоном.

— Поняла, сделаю.

Николь чуть заметно кивнула, мгновенно вернув профессиональное выражение лица. Ни единого лишнего движения. Но когда Феликс прошёл дальше, её взгляд всего на секунду задержался на Лизе. Затем — на закрытой двери кабинета. Потом снова на Лизе. Почти незаметно уголок её губ дрогнул. Будто в голове сложился ещё один кусочек какого-то собственного пазла.

Феликс тем временем подошел к Лизе вплотную. В его глазах мелькнула теплая, понятная только им двоим искра.

— Звонил Алексей Владимирович, — тихо сказал он, так, чтобы звук не улетал дальше стойки. — Вопрос с Краковцем закрыт. Фура с текстилем и обувью пробита, к вечеру всё будет на складе. Так что больше не переживай.

Лиза едва заметно вздохнула, и с её плеч будто спал невидимый груз. Она кивнула, чуть дольше обычного задержав взгляд на его руках, лежащих на полированном дереве стойки.

— Отлично, — так же тихо ответила она. — Значит, к визиту на завтрашний вечер у нас будет полный ассортимент.

В зал вошел мужчина лет сорока пяти. Высокий, с легкой сединой на висках, в чуть потертом шерстяном пиджаке. Но этот старый пиджак был тщательно вычищен, а манжеты рубашки — идеально выглажены. Человек не экономил на себе, он просто не тратил деньги напоказ. На его запястье из-под рукава на мгновение блеснул стальной корпус *Patek Philippe* — деталь, которую неопытный глаз легко бы пропустил, но которая в мире бизнеса весила больше любых слов.

Николь среагировала мгновенно. Слегка поправив причёску, она шагнула к нему с безупречной, натренированной улыбкой:

— Добрый день! Добро пожаловать, — её голос звучал мягко и обволакивающе. — Меня зовут Николь. У нас как раз поступила новая коллекция Brioni. Взгляните, эта модель из последней линейки, ограниченный тираж. Думаю, она вам идеально подойдет.

Мужчина едва заметно нахмурился. Он скользнул взглядом по ценнику на рукаве, который Николь так «ненавязчиво» развернула в его сторону, и промолчал, сдержанно кивнув. В его глазах читались дефицит времени и усталость человека, который пришел не за статусом, а за конкретной задачей.

Феликс наблюдал за этой историей от стойки-острова, где они с Лизой дорабатывали список вечерних отгрузок.

— Простите, — Феликс подошел ровным шагом, аккуратно отстраняя Николь чуть в сторону. — Я перехвачу.

Николь едва заметно повела плечом, но сделала шаг назад, скрестив руки и приготовившись наблюдать.

Феликс не стал предлагать бренды. Он молча смерил клиента взглядом — профессиональным движением оценил разворот плеч, посадку шеи и то, как мужчина держит осанку. Затем повернулся к кронштейнам и безошибочно вытянул темно-синий костюм-тройку из тонкой шерсти с добавлением шелка. Без кричащих логотипов, без лишнего лоска.

— Примерьте вот этот, — спокойно произнес Феликс. — В нем плечо мягче, а пройма посажена чуть выше. Для вашей осанки — то, что нужно.

Через три минуты мужчина вышел из примерочной. Он подошел к ростовому зеркалу, поправил лацканы и сделал глубокий вдох, проверяя свободу движений. Рукава сидели как влитые, линия спины идеальная, а ткань мягко падала, не создавая ни единой лишней складки. Мужчина посмотрел на свое отражение и впервые за всё время едва заметно улыбнулся.

— Хороший костюм не должен говорить за человека, — тихо, но веско произнес Феликс, вставая чуть сзади. — Он должен позволять говорить самому человеку.

Мужчина в зеркале встретился с ним взглядом и кивнул — коротко и весомо.

— Упакуйте, — коротко сказал он. — И подберите под него две рубашки на ваш вкус.

За клиентом с тихим, глухим щелчком закрылась тяжелая стеклянная дверь. Когда на кассе побился чек, Николь шагнула к Феликсу:

— Но ведь Brioni стоил почти в два раза дороже...

Феликс даже не повернулся к ней, проверяя накладную:

— Именно поэтому я его и не продал. Сегодня он ушел довольным. Через полгода он снова придет ко мне. И приведет еще троих.

Он взял папки со стола и сделал несколько шагов к своему кабинету. На мгновение остановился. И, не оборачиваясь, произнес:

— Николь.

Она сразу подняла голову.

— Запомни одну вещь.

Пауза в зале стала почти ощутимой.

— Люди приходят сюда не покупать костюмы.

Николь молчала.

— Они приходят покупать уверенность.

Только после этого Феликс спокойно открыл дверь и ушел к себе.

Чуть в стороне Лиза тихо улыбнулась, не поднимая головы от кассовой книги. Она слышала эти слова от него уже не раз. А Николь так и осталась стоять у витрины в полной тишине.

Феликс посмотрел на часы. 14:05.

Он закрыл папку с накладными, подтянул манжеты и взглянул на Лизу:

— Поехали пообедаем.

Лиза подняла голову от кассовых отчетов:

— Сейчас?

— Пока тихо, — ответил он, снимая пиджак и оставаясь в одной рубашке. — После трех уже не получится спокойно уйти — начнут подъезжать клиенты по записи.

Она мягко улыбнулась:

— Я только сумку возьму.

Они вышли через тяжелую стеклянную дверь на Андреевский спуск. Сентябрьское солнце уже вовсю прогрело булыжную мостовую. Улицу заполнил характерный киевский гул: на перилах висели масляные пейзажи, акварели с Подолом и черно-белые снимки старого города. Туристы медленно поднимались в сторону Андреевской церкви, разглядывая деревянные сувениры.

Чуть ниже по спуску слепой старик играл на саксофоне старый джазовый мотив. Феликс на секунду остановился, достал из кармана купюру и просто положил её в раскрытый, потертый футляр. Не взял ничего, не ждал благодарности — и сразу пошел дальше. Лиза не стала ничего говорить. Никто этого не обсуждал, но эта тихая помощь без показухи была еще одной безусловной частью его характера.

Они свернули в небольшой, скрытый в подольском дворике ресторанчик. Никакого пафоса — массивные деревянные столы, прохлада и запах свежеспеченного хлеба. Феликс обедал здесь по четвергам уже лет пять.

Едва они вступили под навес, к ним шагнул пожилой официант:

— Добрый день, Феликс Викторович. Ваш столик свободен.

Не спрашивал. Не предлагал. Просто констатировал то, что повторялось годами. Феликс коротко кивнул:

— Спасибо, Степан.

Они сели в углу. Заказ принесли без лишних слов. В этой привычной обстановке жесткий взгляд Феликса чуть смягчился.

Лиза сделала глоток воды, посмотрела на него через стол и тихо спросила:

— Феликс... Почему ты до сих пор живешь на Борщаговке?

Он не ответил сразу. Сделал паузу, будто взвешивая слова, и только потом поднял глаза:

— Потому что там меня никто не знает. Там всем абсолютно всё равно, на какой машине ты приехал и во что одет. После Африки я понял одну вещь: чем меньше человеку нужно доказывать окружающим, тем спокойнее он живет.

Лиза удерживала его спокойный взгляд:

— А дом? Почему ты никогда не купишь себе дом?

Феликс на мгновение замер и произнес ровным, тихим голосом:

— Потому что дом — это место, куда хочется возвращаться.

И замолкает.

Фраза повисла в воздухе. Внутри у Лизы всё сжалось от этой сухой, честной откровенности. Ей безумно захотелось протянуть руку через стол, коснуться его пальцев, сказать, что такое место может быть совсем рядом. Но она промолчала. Она слишком хорошо его знала — прямо сейчас он не смог бы ответить тем же.

Они доели в молчании. Но это было не тяжелое молчание, а доверительная тишина двух взрослых людей.

В 15:20, когда они уже вернулись в бутик, тяжелая стеклянная дверь неуверенно приоткрылась. На пороге появился молодой парень — лет восемнадцати, в слегка застиранной футболке, потертых джинсах и с поношенным рюкзаком за плечами. Он оглядел дорогой интерьер, полированное дерево и мгновенно зажался, явно почувствовав себя не в своей тарелке. Парень сделал шаг назад, будто собираясь уйти, но передумал и остался у самой двери.

Николь шагнула к нему с отточенной, безупречной улыбкой:

— Добрый день. Подсказать вам что-то? Какой бюджет вы рассматриваете?

— Здравствуйте, — парень сглотнул, крепче сжав лямку рюкзака. — Мне... мне нужен костюм. Тёмный. На собеседование. Я стажирюсь в инвестиционной компании... У меня с собой полторы тысячи гривен. Я собирал с подработок.

Улыбка Николь не исчезла, но мгновенно стала ледяной и отстраненной:

— Боюсь, в нашем салоне подобрать что-то в этом бюджете будет невозможно.

Она произнесла это подчеркнуто вежливо, но парень вспыхнул до корней волос. Уши мгновенно налились пунцовой краской, он опустил взгляд и сделал шаг к выходу:

— Простите... Я думал...

— Николь, — ровный, как ударом клинка, голос Феликса разрезал тишину зала. — Займись накладными у стойки.

Он отложил телефон и шагнул вперед. Николь прикусила губу и отступила.

Феликс подошел к парню. Тот стоял абсолютно растерянный, готовый сквозь землю провалиться от неловкости.

— Как тебя зовут? — спокойно спросил Феликс.

— Артём, — тихо ответил тот.

— Артём. Собеседование — это серьезно. Поздравляю с выходом на стажировку.

Феликс говорил абсолютно на равных. Он мельком посмотрел на обувь Артёма — на идеально вычищенные, натертые до блеска, но давно потерявшие форму ботинки. И всё понял. Без лишних слов.

— Пойдем.

— Но я... у меня правда больше нет, — честно признался парень.

— Нам хватит, — отрезал Феликс.

Он подошел к кронштейну с прошлыми коллекциями, вытянул строгий темно-серый пиджак и брюки идеального кроя. Снял с вешалки простую, но безупречно белоснежную хлопковую рубашку.

— Примерь.

Через пять минут Артём вышел из примерочной. Костюм сидел чуть свободно в плечах, но парня было не узнать: пропала сутулость, расправилась грудь. Феликс подошел, двумя точными движениями поправил воротник и подогнул рукав:

— Завтра утром заберешь. Мы подгоним длину брюк в нашей мастерской. Это входит в стоимость. С тебя ровно полторы тысячи.

Парень посмотрел на себя в зеркало и замер. В его глазах читалась такая смесь дикого облегчения и благодарности, которую за деньги не купишь.

— Спасибо... Вы даже не представляете, как это для меня важно.

— Представляю, — коротко кивнул Феликс. — Главное — держи спину ровно на собеседовании.

За Артёмом с тихим шелчком закрылась тяжелая стеклянная дверь. Николь, наблюдавшая за всем от кассы, не удержалась:

— Феликс Викторович... Мы же продали его ниже себестоимости. Вы потратили время на человека, который даже не наш клиент...

Феликс повернулся к ней. В его взгляде не было гнева — только спокойная, давящая мудрость.

— Через пять лет этот парень может стать партнёром компании. Может стать директором. Или открыть собственный бизнес.

Феликс сделал короткую паузу.

— А может и не стать. Но сегодня он пришел сюда как человек. Он пришел не за скидкой, Николь. Он пришел за первым костюмом в своей жизни. И когда ему потребуется настоящий

гардероб, он не пойдет к тем, кто указал ему на дверь. Он придет туда, где его не унизили. Ты поняла меня?

— Поняла, — тихо ответила Николь, опустив глаза.

Феликс взял документы и пошел к себе.

Чуть в стороне Лиза тихо провожала его взглядом. Когда он проходил мимо стойки, она едва слышно, так, чтобы слышал только он, произнесла:

— Ты увидел себя?

Феликс ничего не ответил. На секунду замер, машинально провел большим пальцем по старому рубцу на ладони, взглянул сквозь витрину на пыльный Андреевский спуск — и молча ушел в кабинет.

После пяти вечера время в бутике побежало быстрее. Приехали двое постоянных клиентов по записи — один забирал подогнанный смокинг к субботнему приему, второй долго и въедливо выбирал сорочки под новую партию пиджаков. Потекла та самая привычная, выверенная годами рутина: тихий шелест плечиков, приглушенные разговоры, примерки, мерный стук клавиш на кассе и незримый контроль каждого движения.

К восьми вечера бутик опустел.

Николь закончила пересчет аксессуаров, аккуратно заперла витрину и надела легкий плащ.

— Я закончила, Феликс Викторович, — прозвучал ее ровный голос. Она на секунду помедлила у двери кабинета, словно хотела добавить что-то ещё про сегодняшний день, но передумала. — Хорошего вам вечера.

— До завтра, Николь, — спокойно ответил Феликс, не поднимая головы от накладных.

Когда за ней закрылась стеклянная дверь, Лиза выключила подсветку центральных стеллажей. В зале остался только мягкий, приглушенный свет ночников, отражавшийся в полированном дереве. Она подошла к его столу, положила ключи от кассы и тихо проговорила:

— По смене всё закрыто. Фуру Алексей подтвердил — дошла без задержек, разгрузим в пятницу утром, как и планировали.

Феликс поднял взгляд, накрыл её ладонь своей и слегка сжал:

— Спасибо. Езжай домой, отдыхай.

Лиза едва заметно улыбнулась, накинула сумочку на плечо и вышла. Через пару минут сквозь витрину было видно, как на мостовой зажглись задние огни её аккуратного серебристого хэтчбека. Машина плавно тронулась и растаяла в вечернем потоке Подола.

Феликс вышел последним. Он щелкнул замками, поставил бутик на сигнализацию, спустился по тяжелым ступеням и сел в свой тёмный внедорожник.

Без четверти девять. Киев медленно погружался в прохладные сентябрьские сумерки. На Андреевском горели желтые фонари, а на Набережной у Днепра тянулась бесконечная цепочка красных и белых огней.

Он завел мотор. Салон заполнил плотный, басовитый гул баварской «шестерки». Феликс не стал включать музыку — после длинного дня, наполненного чужими голосами, цифрами и разговорами, ему была нужна эта тишина.

Машина плавно выехала на Набережно-Крещатицкую и взяла курс в сторону Борщаговки. За окном проплывали подсвеченные мосты, старые фасады и шумные летние террасы, где смеялись люди и пили вино.

Феликс вел машину одной рукой, привычно поглаживая большим пальцем рубец на ладони. Он снова вспомнил Артёма. Старые ботинки, вычищенные до блеска. Потом — тихий вопрос Лизы: «Ты увидел себя?» И вдруг поймал себя на мысли, что весь этот выверенный мир дорогих костюмов, кожи и идеальных витрин — лишь тонкая декорация, которую он каждый день заново строит между собой и прошлым.

До Борщаговки оставалось еще полчаса пути через засыпающий город. Феликс затормозил на красном сигнале светофора, положил локоть на подлокотник и просто смотрел, как на лобовом стекле преломляются огни вечернего Киева.

Машина плавно выехала с Подола, поднялась через Глубочицкую и выскочила на широкий, залитый фонарями проспект Победы. Поток здесь двигался быстрее: за окном Х5 мигали светофоры, проплывали массивный корпус политеха, Шулявка и засыпающие парки.

У Святошино Феликс поднялся на путепровод и плавно спустился на Большую Окружную. Город мгновенно сменил лицо. Исчез лоск центра: фонари стали тусклее, вдоль трассы потянулись серые силуэты спальных массивов, а над дорогой завис густой запах раскаленного за день асфальта и выхлопных газов.

Чуть дальше по трассе замаячил яркий зелено-белый неон заправки WOG.

Феликс включил правый поворотник, съехал с трассы и мягко остановил BMW у колонки. Густой, горячий воздух Окружной с примесью бензина мгновенно сменил прохладу салона. Феликс не торопясь зашел на заправку, взял пачку сигарет, расплатился, заправил бак и отъехал на небольшой освещенный карман чуть дальше за территорией АЗС.

Только здесь он заглушил мотор, вышел из машины и щелкнул зажигалкой. Сделав первую глубокую затяжку, оперся спиной о крыло внедорожника.

На обочине неподалеку, прямо у края проезжей части, в тусклом свете пролетающих фар стояли три девушки — в слишком коротких юбках, на высоких каблуках, с сигаретами в тонких пальцах.

Одна из них, отделившись от подруг, сделала пару шагов в его сторону. В тусклом свете фонарей было видно её усталое, слишком густо накрашенное лицо. Она смерила тёмный Х5 и самого Феликса цепким, натренированным взглядом, оценивая часы на запястье и то, как сидит рубашка.

— Поедем? — коротко спросила она сухим, слегка охрипшим голосом.

Феликс не ответил сразу. Он медленно выпустил дым в душный вечерний воздух, окинув её спокойным, тяжелым взглядом. В нем не было ни брезгливости, ни желания, ни превосходства.

— Нет, — спокойно сказал он низким голосом. — Не скучаю.

Девушка лишь равнодушно пожала плечами, повернулась и так же молча вернулась к подругам на обочину.

Феликс докурил, выкинул бычок в урну и сел за руль.

Машина плавно выкатилась обратно на Большую Окружную. До дома оставалось километра три. Трасса здесь становилась темнее, редкие фонари выхватывали из темноты только серые обочины да глухие заборы промзон.

И вдруг прямо перед капотом из темноты метнулась тёмная тень.

Феликс ударил по тормозам. Внедорожник клюнул носом, АБС затрещала, резину обожгло о раскаленный асфальт. Тень едва успела сгруппироваться и отскочить, вильнув прямо перед бампером, и исчезла на разделительной полосе.

Внутри мгновенно вскипела сухая, холодная злость. Злость человека, который видел слишком много смертей и ненавидит, когда кто-то с такой тупой легкостью подставляет свою жизнь под удар.

Он плавно прижал BMW к обочине, включил аварийку и сдал назад.

Посреди дороги, на узком бетонном разделительном островке напротив поворота на Вишневое, замерла девушка. В тусклом свете пролетающих фур было видно, как она тяжело, рвано дышит, обхватив себя руками. Тёмные распущенные волосы растрепались на ветру. Но она не смотрела на несущийся поток машин.

Она смотрела только назад.

Феликс перевел взгляд на правую обочину. Чуть впереди припарковалась темная легковушка с открытыми дверями. Один из парней уже перескочил через металлический отбойник, второй показывал пальцем на разделительный островок, третий нервно озибался по сторонам, выжидая окно в потоке.

В голове у Феликса мгновенно сложилась вся цепочка. Оценка обстановки заняла долю секунды.

Это была не безрассудная девчонка.

Она убегала.

Феликс выжал газ. Мотор рывкнул, выскочил обратно на полосу и рванул вперед. Впереди, метрах в трехсот, замаячил технологический разворот. Перестроившись в крайний левый ряды, Феликс с ходу заложил крутую дугу, обдав асфальт шумом резины, выровнял тяжелый внедорожник и на скорости пошел обратно.

Девушка в этот момент рискнула: выждав короткую паузу между двумя фурами, она метнулась с разделительного островка прямо под колеса встречного потока и выскочила на обочину — как раз в десятке метров от наплывающего Х5.

Феликс мгновенно ударил по тормозам, зажав её у самого края дороги, и в ту же секунду с тихим жужжанием опустилось пассажирское стекло.

— Садись. Быстро, — отрезал он низким, стальным голосом, даже не повернув головы.

Она отшатнулась от машины. В распахнутых от ужаса глазах отражался красный свет аварийки. Дышала рвано, судорожно вцепившись пальцами в лацканы легкой куртки. В ней не было доверия ни к кому на этой темной трассе — для неё этот тёмный джип казался такой же ловушкой.

— Если не сядешь — ты от них не убежишь, — чеканя каждое слово, произнес Феликс.

С противоположной стороны дороги уже неслись эти трое. Не глядя на поток, рискуя попасть под колеса, они перемахивали через разделитель. Один из них — высокий, в спортивной кофте — уже выбегал на асфальт перед капотом, на ходу выкрикивая с сиплым, пьяным оскалом:

— Слышь, бля! Оставь эту шмару! Сейчас и ты пизды получишь, полупокер!

Феликс даже не изменился в лице. Мускул не дрогнул на скуле. Взгляд остался ледяным, как у человека, который слышал угрозы куда страшнее от людей с автоматами в руках.

Девушка метнула взгляд на приближающихся парней, вскрикнула, судорожно дёрнула ручку двери и буквально заскочила на кожаное сиденье.

Дверь захлопнулась. Центральный замок щелкнул глухим, тяжелым ударом.

Двое парней мгновенно облепили внедорожник. Один выскочил прямо перед капотом, упершись ладонями в нагретый металл. Второй судорожно задергал ручку пассажирской двери, но замок уже намертво заблокировал салон. Третий — тот самый, что орал про «полупокера» — вплотную подошел к водительскому окну.

— Не надо! — заверещала девушка, вжимаясь в кожаное кресло и закрывая голову руками. — Не открывай! Они конченые отморозки, они убить могут, и тебе достанется!

Феликс её не слушал. Он привычным, отработанным движением опустил руку в карман двери, вытянул оттуда тяжелый Стечкин и положил его на правое бедро, прикрыв ладонью. В темноте салона вороненый металл АПС угадывался лишь тусклым отблеском.

Феликс нажал клавишу стеклоподъемника, приоткрыв окно всего на пару сантиметров.

Парень за окном уже набрал воздуха, чтобы выдать очередную порцию мата, но осекся на полуслове. В тусклом свете приборной панели он разглядел массивную плечевую раму Феликса, его абсолютно ледяные, нечеловечески спокойные глаза и тяжелую рукоять пистолета у него на бедре.

Кадык гопника судорожно дернулся. Он машинально сделал полшага назад и медленно поднял ладони на уровень груди.

— Слышь, братан... — заговорил он уже совершенно другим, заискивающим тоном. — Ты не лезь, а? Отдай нам эту шмару. Мы ей бабки заплатили, а она кинуть нас решила. Бабки-то не отработала!

— Они врут! — выкрикнула девушка через слезы. Голос её дрожал от ужаса. — Они меня насильно в машину затащили! За остановкой вон там, на пустыре остановились, чтобы... я их обслужила! Я вырвалась и на дорогу выбежала!

Только сейчас Феликс повернул голову и по-настоящему посмотрел на неё.

Свет приборной панели мягко осветил её лицо. Правая скула уже наливалась багровой гематомой, переносица и нос распухли от удара, а из разбитой губы по подбородку и шее капала густая, тёмная струйка, пачкая воротник легкой куртки.

Злость ушла мгновенно. Осталась только холодная, привычная собранность.

Он снова перевел взгляд на парня за окном. Палец Феликса лежал на предохранителе.

— У вас пять секунд, — ровно, без единой эмоции сказал Феликс. — Чтобы исчезнуть из моего поля зрения.

Парень бледнел на глазах. Он дико рявкнул своим: «Сваливаем, нахуй!» — и они втроем бросились врассыпную через темную обочину обратно к своей легковушке.

Феликс плавно закрутил стекло, убрал пистолет обратно в карман двери и перевел селектор КПП в режим «Drive». BMW плавно тронулся с места, набирая скорость.

В салоне стояла оглушительная тишина, разбавляемая только её рваным, всхлипывающим дыханием.

Феликс не стал никуда спешить. Никаких резких разворотов, никаких визжащих шин. BMW плавно набрал скорость и через триста метров свернул с шумящей, забитой фурами Окружной направо — на тёмную, полупустую **улицу Зодчих**.

Окружная осталась за спиной вместе со своим неонам, бензиновым гарью и опасностью. Здесь, на дублёре, за домом зашумели старые деревья, выстроились серые коробки девятиэтажек Южной Борщаговки, а редкие фонари давали глухой, желтый свет.

У остановки на улице Литвиненко-Вольгемут Феликс плавно прижал Х5 к тротуару и перевел коробку в режим «Park».

В салоне наступила полная тишина. Двигатель тихо мурлыкал, из дефлекторов дул прохладный воздух кондиционера.

Девушка на пассажирском кресле всё так же сжималась в комок, обхватив себя руками. Её плечи судорожно вздрагивали. В тусклом свете приборной панели было видно, как капли крови с разбитой губы капнули на воротник куртки, а правая скула с каждой минутой наливалась всё более темным, страшным синяком.

Феликс не торопился заводить разговор. Он молча потянулся к бардачку, достал оттуда плотную упаковку влажных салфеток и пачку сухих бумажных платков, после чего спокойно положил их на консоль между креслами — прямо перед ней.

— Притри лицо, — произнес он тихим, ровным голосом, не делая ни одного резкого движения. — Они не пойдут за нами сюда. Мы на Зодчих.

Феликс не торопил её.

Пальцы девушки дрожали так сильно, что она несколько секунд бессмысленно ковыряла край пластиковой упаковки влажных салфеток, так и не сумев её разделить. В салоне слышно было только её рваное, ломающееся дыхание.

Феликс молча протянул руку, забрал пачку, ровным движением надрезал край ногтем и положил обратно на консоль. При этом он ни разу не коснулся её пальцев.

Она помедлила, затем достала салфетку. Рука ходила ходуном. Девушка поднесла прохладную ткань к лицу, прижала к разбитой губе и тут же тихо зашипела от боли, зажмурившись.

Феликс перевел взгляд на лобовое стекло. Он смотрел прямо перед собой — на глухую стену спального массива и тусклый желтый свет одинокого фонаря у дороги. Он убрал свой

взгляд, давая ей возможность побыть невидимой, восстановить границы и не чувствовать себя экспонатом на обозрении.

Он достал из дверного кармана компактную аптечку, вытянул флакон хлоргексидина и упаковку стерильных марлевых салфеток. Открутил крышку и аккуратно поставил рядом с салфетками.

— Будет щипать, — тихо предупредил он.

Она не ответила. Лишь смочила марлю прохладным антисептиком и снова прижала к сбитой переносице. В салоне запахло аптекой и смытой кровью.

Прошло минуты две. Полная, обволакивающая тишина, разбавляемая только тихим гулом двигателя на холостых оборотах. Напряжение в её плечах постепенно уступало место дикой, физической усталости.

— Почему вы остановились? — прозвучал её голос. Очень тихо, с легкой хрипотцой и глубоким, искренним недоумением.

Она не спрашивала «кто вы». Она не говорила «спасибо». В её мире за просто так на темных трассах не останавливаются.

Феликс выдержал паузу. Несколько секунд молчал, глядя перед собой не поворачивая головы.

— Не знаю.

Ответ был сухим и исчерпывающим. Без морализаторства, без героического подтекста.

Она снова замолчала, обдумывая эти слова. Её взгляд на секунду скользнул по его профилю — по упрямому подбородку, тяжелому плечу, спокойным рукам на руле и кромке вороненого металла, угадывающейся в кармане двери. Она слишком хорошо знала, как устроена жизнь на этой дороге.

— Вы... мент? — тихо, почти шепотом спросила она, не поднимая глаз. В этом вопросе не было вызова — только глухая осторожность человека, пытающегося понять, в чью машину он прыгнул.

Феликс впервые за всё время чуть повернул голову в её сторону.

— Нет.

Она сглотнула. Пальцы сильнее сжали окровавленную марлевую салфетку. Повисла короткая пауза.

— Тогда... бандит?

Феликс едва заметно качнул головой.

— Тоже нет.

Она наконец подняла на него глаза. В её взгляде — разбитом, перепуганном, в капельках смытой туши — читалось полное замешательство. В её мире третьего варианта для человека с пистолетом просто не существовало.

— Тогда откуда у вас оружие?

Феликс выждал секунду, переведя взгляд обратно на пустую, тускло освещенную улицу.

— Я раньше служил. Был военным.

И больше ничего не добавил.

Девушка опустила руки. Смоченная салфетка осталась в её пальцах. Она посмотрела на свои колени, глубоко, рвано вздохнула — так вздыхают люди, когда понимание спасения наконец добирается до заторможенного шоком мозга.

— Спасибо, — шепотом произнесла она.

Это было первое настоящее слово между ними.

Феликс молчал, глядя сквозь лобовое стекло на жёлтый свет одинокого фонаря у дороги.

— Куда тебя отвезти? — спросил он, не поворачивая головы.

Девушка растерянно подняла на него глаза. Смоченная салфетка в её руке снова начала дрожать.

— Наверное... домой, — тихо произнесла она. — С таким лицом меня сегодня уже никто не возьмёт. На этом работа закончилась... — её голос сорвался, в нём прозвучала глухая досада человека, потерявшего вечерний заработок.

Она судорожно сглотнула, замялась и вдруг, набравшись смелости, тихо спросила:

— Вы курите? У вас сигареты нет?

Феликс молча выдохнул и спокойно потянулся к бардачку. Достал пачку, зажигалку и положил их между сиденьями, рядом с салфетками и хлоргексидином.

— Адрес, — спокойно сказал он.

Она помедлила, затягиваясь дрожащими пальцами сигаретным дымом. Назвать свой адрес человеку с оружием было страшно, но выбор на этой темной трассе у неё уже закончился.

— Караваевы Дачи... — почти шепотом произнесла она, глядя на свои колени. — Улицу я не знаю, мы там с девочками только три дня как комнату сняли... Это за мостом, слева, в хрущевках напротив въезда.

Феликс коротко кивнул. Он хорошо знал этот район.

— Пристегнись.

Машина плавно тронулся с места, выкатываясь с улицы в сторону центра.

За окнами проносились редкие фонари, тёмные силуэты спальных массивов и пустая, накрытая ночной духотой дорога.

В салоне пахло табачным дымом, прохладой кондиционера и слабым аптечным запахом хлоргексидина.

Феликс молча вел авто, лишь изредка бросая короткие, вскользь, взгляды на пассажирское сиденье.

Сейчас, когда первый шок улегся, он мог рассмотреть её без суеты. Девушка была одета в совсем короткую, едва закрывавшую бедра юбку и тяжелые туфли на высокой платформе и огромном каблуке, скорее напоминавшие обувь стриптизёрши, чем повседневные туфли. Из-за этого её ноги казались неестественно длинными и тонкими.

Темно-русые, спутавшиеся волосы падали на плечи. В тусклом свете пролетающих мимо фонарей в её носу блеснул маленький прозрачный камушек-пирсинг, а в нижней, распухшей губе темно угадывалось серебряное колечко.

Опустил взгляд ниже, на её руки. Девушка всё так же судорожно вцепилась в марлевую салфетку. Её ногти были обгрызаны почти до самого мяса — застарелая, введшаяся привычка сильного невроза.

Несмотря на сбитую переносицу, темно-фиолетовый наливающийся синяк на скуле и потекшую тушь, в ней отчётливо проглядывала совсем молодая, почти кукольная внешность. Правильные черты лица, тонкий нос, детская припухлость щек. Ей было от силы лет двадцать. Слишком молодая для этого взгляда.

Она молча смотрела в тёмное окно, коротко и жадно затягиваясь сигаретой.

Машина поднялась на мост и съехал налево, погружаясь в глухую, утопающую в старых деревьях темноту Караваевых Дач.

Медленно закружила по дворам между серыми пятиэтажными хрущёвками, пока девушка тихо не указала пальцем на один из тёмных подъездов:

— Здесь...

Феликс плавно нажал на тормоз и перевёл селектор в «Park». Двигатель продолжал тихо мурлыкать.

Девушка замерла. Она отщелкнула замок ремня безопасности, протянула руку и уже взялась за ручку двери.

Потом вдруг остановилась.

Не оборачиваясь, тихо спросила:

— Как тебя зовут?

— Феликс.

Она медленно кивнула, переваривая имя. Только теперь повернулась к нему и посмотрела прямо в глаза:

— Алиса.

Алиса открыла дверь и вышла из машины в прохладный ночной воздух. Через несколько секунд её тонкая фигура исчезла в тёмном подъезде.

Феликс ещё какое-то время сидел неподвижно, глядя на закрывшуюся облупившуюся дверь, затем молча перевёл селектор коробки передач в режим «Drive» и выжал газ.

Дорога домой заняла от силы минут семь. Он припарковался у своего подъезда, поднялся на этаж и запер за собой тяжелую дверь. В квартире царила идеальная, выверенная годами тишина. Ничего лишнего: сухой быт человека, привыкшего жить автономно.

Он не стал зажигать свет. Снял свой костюм, привычным средством вытер и убрал оружие, ополоснул лицо прохладной водой из-под крана и лёг спать. Заснул мгновенно — так, как умеют засыпать только люди с его прошлым.

Утро для Феликса началось ровно в шесть. Без будильника — организм сам включался в нужное время с точностью армейского хронометра.

Короткая разминка, холодный душ, чашка крепкого чёрного кофе без сахара у открытого окна с видом на просыпающийся Киев. В его утреннем ритуале не было ни суеты, ни лишних мыслей. Ночная встреча на Окружной выветрилась из головы так же легко, как и запах табачного дыма из салона машины. Для него это был всего лишь эпизод, обычное ночное происшествие, которое закончилось там же, у облупившегося подъезда в хрущёвках на Караваевых Дачах.

К восьми утра он уже въезжал на территорию промзоны.

Складской комплекс встретил его привычным гулом: пыльный асфальт, запах солянки, крики погрузчиков и многотонная фура с польскими номерами, уткнувшаяся кормой в открытые ворота разгрузочного бокса. Та самая, что зашла еще вчера поздно вечером.

Кладовщик в чистом сером комбинезоне закончил заполнять планшет и шагнул навстречу:

— Пересчет закончили. Тридцать паллет, расхождений по накладным нет.

Феликс ничего не ответил. Лишь едва заметно кивнул и прошёл вглубь зоны приемки — к длинному столу под мощными лампами дневного света.

Лиза уже ждала его там. Ей не нужно было объяснять, что именно он станет проверять: несколько коробок из разных частей партии уже стояли вскрытыми. На портновском манекене уже был надет один из костюмов новой коллекции, а на полированной столешнице стояло несколько пар мужских туфель.

Феликс подошел ближе. Он не суетился, не перебирал накладные. Провел пальцами по гладкой, идеальной коже туфли, проверяя плотность задника и ровность двойной строчки. Затем шагнул к манекену: проверил, как падает ткань пиджака, оценил равномерность глубокого темно-синего оттенка под лампой и то, насколько оттенок брюк из той же коробки совпадает с тоном лацканов.

— Достаньте пятьдесят шестой размер, — спокойно сказал он.

Кладовщик тут же подал вешалку с нужным размером.

Феликс снял свой пиджак, передал его Лизе и надел образец из новой партии. Расправил плечи, повернулся к ростовому зеркалу. Поправил лацкан, сжал ткань на рукаве, проверяя, как она держит форму, и чуть повел плечами в проеме.

Сняв образец, он забрал у Лизы свой пиджак и привычным движением надел его обратно.

— Принимаем.

Лиза даже не взглянула на накладные — результат проверки был очевиден. Она тут же развернулась к старшему смены:

— Первую партию — в бутик на Андреевский. Вторую — на отпаривание. Обувь — на маркировку, затем на выкладку. Костюмы депутата не трогать, сразу в отдельный чехол.

Кладовщик кивнул и мгновенно ушел раздавать команды грузчикам.

Лиза повернулась к Феликсу. В её руках появился тонкий планшет с эскизами.

— Витрину на Андреевском будем менять полностью или оставляем только центральную композицию?

— Полностью, — ответил Феликс. Он посмотрел на манекен с новой коллекцией и после короткой паузы добавил: — Люди должны увидеть осень мы и так немного задержались пусть увидят и её.

К полудню суета складского комплекса окончательно сменилась размеренной тишиной рабочего кабинета в бутике на Андреевском. Окна, выходящие на брусчатку спуска, глушили городские звуки, оставляя лишь мягкое, почти невесомое эхо Киева.

Жара прошлых дней отступила, уступив место сухому, прохладному воздуху настоящей ранней осени. В кабинете пахло хорошим табаком, свежесваренным эспрессо и новой кожей из только что доставленной первой партии товара.

Феликс сидел за дубовым столом, просматривая реестр отгрузок. Бизнес функционировал без сбоев, как идеально смазанный затвор: Лиза уже давала указания оформителям витрин, звонки клиентов обрабатывались без лишнего шума, а цифры в ведомостях сходились до копеечки. Для любого другого человека это был бы образцовый, спокойный рабочий день.

Но для Феликса эта безупречная тишина неожиданно оказалась слишком плотной.

Он отложил ручку, откинулся на спинку кресла и медленно перевёл взгляд на окно. На брусчатке Андреевского гуляли туристы, шумели торговцы картинками, кипела привычная, сытая жизнь центра.

Именно в этот момент память снова вернула его на Окружную. Контраст между ухоженным спокойствием его кабинета и тем глухим, опасным дном, откуда он вытащил её прошлым вечером, был почти физически ощутимым. Мокрый асфальт, едкий запах дешевого табака в холодном салоне машины и тонкое, сбитое в кровь запястье той самой девушки, хватающейся за аптечный бинт на автобусной остановке.

Он сделал всё, что должен был сделать. Довез. Дал аптечку. Убедился, что она добралась домой. На этом всё. История закончилась.

Он достал из пачки сигарету, но зажигать не стал — просто крутил её в пальцах. Профессиональное чутье человека с его прошлым тихо и настойчиво шептало: такие истории редко заканчиваются просто так. Мозг, привыкший в армии просчитывать угрозы, судорожно искал незакрытые детали.

На столе тихо завибрировал телефон. Феликс взглянул на экран. Алекс.

Он нажал клавишу приема вызова и поднес телефон к уху.

— Да, Алекс.

— Феликс, здорово, — раздался в динамике знакомый, чуть хриловатый голос. Голос человека, с которым они вместе вытаскивали машины из грязи и прошли через всё в Сомали. — Не отвлекаю?

— Говори.

— Тут на выходные намечается выезд. Ребята из наших собирают закрытую компанию, хотим мотнуть в Зону. В Чернобыльскую. Поохотиться на дикого кабана, подышать тишиной, вспомнить старое. Проезд режимный, через свои каналы, всё глухо. Ты как?

Феликс на секунду замолчал, глядя на проезжающие за окном дорогие иномарки. Мысли о ночной Окружной моментально отступили, уступая место памяти о совсем других дорогах.

— Кабанов в Зоне пусть стреляют те, кому не хватает адреналина, Алекс, — спокойно ответил Феликс. — Мне воздуха и здесь хватает.

— Ну, как знаешь, — хмыкнул Алекс. Он знал Феликса слишком хорошо, чтобы уламывать. — Твоё право. Сегодня до вечера определись, если передумаешь. Завтра выезжаем в шесть утра.

— Договорились. На связи.

Рабочий день закончился раньше обычного. К пяти часам витрина на Андреевском была полностью обновлена, Лиза забрала последние документы по поставке, и удерживать себя в офисе дальше не было никакого смысла.

Феликс закрыл кабинет, вышел из здания, спустился к машине и влился в вечерний поток, медленно тянувшийся в сторону выезда из центра.

Киев накрывало мягким оранжевым светом раннего сентябрьского заката. На Окружную он выехал, когда сумерки только начали сгущаться. Дорога ещё не погрузилась в ночную темноту, но уличные фонари уже зажглись, отбрасывая длинные тёмные тени на асфальт.

По привычке — выверенной годами схеме заправлять полный бак перед выходными — Феликс повернул на знакомую АЗС «WOG».

Авто плавно остановился у третьей колонки. Феликс вставил заправочный пистолет в горловину бака, зафиксировал рычаг и направился к кассе. Расплатившись, он дождался окончания заправки, убрал пистолет на место, сел за руль и отъехал на небольшой парковочный карман сбоку от здания АЗС.

Он заглушил двигатель, опустил стекло, достал сигарету и только тогда закурил, не сводя взгляда с подсвеченной фонарём обочины.

Вчера их было трое. Сегодня у края дороги стояли четверо.

Четвертая фигура держалась чуть в отдалении от остальных, у самого края тени от рекламного щита. На ней была та же короткая светлая куртка, но движения казались скованными, неловкими. Она переступала с ноги на ногу на высоких каблуках, прижимая к боку дешёвую сумку, словно пытаясь защитить ребра или скрыть ушибы.

В сумерках, сквозь вечерний смог и свет фар пролетающих мимо машин, разглядеть лицо было трудно. Но Феликс сразу узнал этот знакомый силуэт. Та самая девушка, которую он прошлым вечером отвозил на Караваевы Дачи.

Она снова стояла среди остальных.

Феликс медленно затянулся табачным дымом. Он не испытывал ни жалости, ни досады. Только спокойное, холодное понимание. Улицы не меняются за одну ночь, и из такой жизни не уходят после одного случайного спасения.

Феликс стряхнул пепел в окно, продолжая наблюдать.

У обочины затормозила старая «девятка» с тонированными стёклами. Алиса на своих неровных каблуках сделала пару шагов к передней двери, нагнулась к опущенному окну, о чём-то коротко переговорила с водителем и тут же отступила назад. Вперёд сразу выскочила одна из девиц — в яркой куртке — и уже через десять секунд запрыгнула на переднее сиденье. Машина резко сорвалась с места.

Через пять минут история повторилась. Снова остановка, снова короткий диалог, и снова водитель выбрал другую. Алиса отходила в тень, прижимая сумку к боку всё сильнее.

Феликс выбросил окурок в окно. Действие, которое он совершил в следующую секунду, было нелогичным, необдуманным и абсолютно не вписывалось в его привычные алгоритмы. Он отжал фиксатор двери, вышел из прохладного салона и шагнул в сторону освещённого пятачка.

— Эй, — негромко, но чётко произнёс он. — Иди сюда.

Он не успел сделать и трёх шагов, как оставшаяся у дороги проститутка тут же повернулась к нему. Разглядев дорогой пиджак и уверенную осанку потенциального клиента, она сразу пошла наперерез, виляя бёдрами, но через несколько шагов замедлилась, встретившись с

его холодным, не предвещающим ничего хорошего взглядом. За её спиной, в тени рекламного щита, неподвижно стояла Алиса.

— Слышь, мужик, ты её не бери! — визгливо крикнула девица, поправляя короткую юбку и ядовито ухмыляясь на всю улицу. — Ты с расстояния не смотри, у неё там всё ебалось синее! Прозреешь, когда в салон посадишь! Она стремная, только фигуру из тени и видно!

— Ага, потратишь бабло, а потом отмывать её будешь! — не унималась она, заходясь хамским смехом. — Я тебе нормальный отдых сделаю, а это чучело не трогай, она побитая!

Феликс даже не повернул головы в сторону язвительного визга. Его взгляд был устремлён глубже — туда, где за спиной кричащей девицы замерла Алиса.

Она узнала его ещё до того, как разглядела лицо. По спокойной походке. По широкой фигуре. По той самой манере держать плечи, которую невозможно было перепутать. Но только сейчас, когда он стоял не за рулём внедорожника, а в полный рост на асфальте, она впервые по-настоящему осознала, насколько он высок и широк в плечах. Со своими метром шестидесяти на неудобных каблуках она казалась рядом с ним совсем ребенком.

Алиса стояла, вжав голову в плечи, и смотрела на него. В её взгляде смешались испуг, растерянность и недоверие. Она никак не могла понять, зачем он снова подошел к ней.

Феликс сделал ещё шаг вперёд, полностью игнорируя кричащую девицу, словно та была не человеком, а пустым шумом проезжающих мимо фур.

— Иди сюда, говорю, — повторил он, и его голос прозвучал чуть ниже, с непререкаемой стальной интонацией. — Алиса. Тебя ведь так зовут.

При звуке своего имени Алиса вздрогнула. Она явно не ожидала услышать его от человека, которого видела всего один раз. Девушка шарахнулась назад, едва не оступившись на сломанном каблуке, и ещё сильнее прижала к себе сумку.

Оставшаяся на точке проститутка поперхнулась собственным смехом. Она перевела опешивший взгляд с Феликса на Алису, а затем ядовито хмыкнула, сделав несколько шагов в сторону:

— О, да забирай её, мужик! Все равно сегодня никто не возьмёт! — она нервно заржала, тыча пальцем в сторону Алисы. — Ты на неё посмотри: морда синяя, губа разбита... Забирай, если нравится побитых трахать! Ну ты и извращенец!

Она обернулась к Алисе и крикнула, озираясь:

— Иди-иди, блядь! Подарочек тебе приехал! Я с таким точно не поеду, он больной на голову!

Феликс даже не моргнул. Он просто перевёл ледяной взгляд на кричащую девицу. Ни крика, ни угрозы — просто пустой, вымораживающий взгляд человека, который видел в жизни вещи куда страшнее уличной ругани. Проститутка мгновенно осеклась, захлопнула рот и, нервно поправляя куртку, быстро отшагнула назад в глубь парковки.

Среди шума трассы наступила липкая тишина.

Феликс снова посмотрел на Алису.

— Садись в машину, — спокойно проговорил он, не приближаясь к ней вплотную, чтобы не пугать ещё больше. — Второй раз звать не стану.

Алиса сделала шаг из тени. Её движение было неловким, неуверенным, словно она шла по тонкому льду. Повесив голову, она мелкими шагами направилась к нему, спотыкаясь на неровном асфальте.

Феликс молча развернулся и пошёл к машине. Она следовала за ним, отстав на пару шагов, прижимая сумку к боку.

У водительской двери Феликс остановился и повернулся к ней. В свете фонаря АЗС её лицо просматривалось насквозь — и то, что он увидел, заставило его на секунду замереть.

Вчерашние ссадины к вечеру отекли и налились темным, дурным цветом. Скула опухла так, что почти закрывала левый глаз, превратившись в сплошной багрово-фиолетовый синяк на

поллица. Переносица заметно расширилась, а рассечённая губа раздулась и потемнела. Вчера это выглядело как свежие травмы, сегодня — как уродливая маска.

Феликс смотрел на неё сверху вниз несколько тяжелых секунд. Внутри всё заledenело от сухой, злой оценки происходящего.

— Ты зачем сюда вышла? — негромко, но режуще-сухо спросил он. — Ты понимаешь, как ты сейчас выглядишь? Ты в зеркало сегодня смотрела?

Слова прозвучали без злобы, но с той беспощадной, прямой правдой, от которой некуда было спрятаться.

Алиса сжалась, будто её опять ударили. Лицо мгновенно вспыхнуло, ей стало невыносимо, отчаянно стыдно. Она судорожно отвернулась, пытаясь спрятать изувеченную правую сторону, губы исказились, задрожали, а на глаза napросились крупные, горячие слезы.

Она застыла у пассажирской двери, отводя взгляд в темноту парковки и изо всех сил сдерживая всхлип.

— Ты что, приехал сюда мне морали читать?! — сдавленно, с отчаянной обидой выдохнула Алиса. Голос дрогнул, слеза всё-таки сорвалась и прошлась по опухшей скуле. — Или учить, как правильно жить?! Знаешь что... разворачивайся и уезжай! Не надо меня жалеть!

Она дернулась было назад, к темноте парковки, но Феликс даже не шелохнулся. Он продолжал стоять у открытой двери, спокойно удерживая её своим взглядом.

— Тебе деньги срочно нужны? — без эмоций спросил он.

Алиса замерла. Обида ещё жгла изнутри, но жесткий вопрос Феликса словно пробил брешь в её защите. Внутренняя борьба длилась секунду, и она её проиграла.

— Нужны... — тихо, с трудом выдавила она, опустив взгляд.

Слова прорвали плотину — рваные, сбивчивые, без былой гордости:

— Я комнату снимаю... Посуточно. Каждый день платить надо... Если сегодня не заплачу — хозяин выставит. Девчонки денег не дали... Сказали, сама выкручивайся. Мне идти некуда... На вокзал разве что, если менты не выгонят... А мне помыться надо. Под умывальником на вокзале сильно не помоешься... И мазь какую-то хоть купить... Чтобы тональником можно было замазать, иначе меня на точке никто больше не возьмёт...

Она судорожно сглотнула, шмыгнув носом, и тихо добавила:

— Вчера я ничего заработать не успела... на тех беспредельщиков попала.

Повисла густая, тяжелая тишина. Феликс молча выслушал этот короткий, рваный отчёт о выживании. В его лице не изменилось ни единой мышцы, но взгляд стал ещё более сосредоточенным. Шум проезжающей трассы словно отошел на задний план.

Феликс не стал лезть в карман за кошельком. Он медленно окинул её взглядом с ног до головы — задержавшись на сбитых туфлях, измятой куртке и изуродованном лице, — а затем сухо спросил:

— Сколько у тебя стоит ночь?

Алиса уставилась на него, опешив. На мгновение слезы на её глазах застыли, сменившись испугом. Она отступила на шаг назад и качнула головой:

— Я... я с тобой не поеду. Я тебя боюсь.

— Чего именно? — спокойно спросил он, даже не пошевелившись.

— Всего! — выдохнула она, судорожно прижимая к груди сумку. — Ты огромный. Страшный. Я вообще не понимаю, что у тебя в голове творится. И я... я глаз твоих не вижу!

— Зачем тебе мои глаза? — в его голосе проскользнул лёгкий, едва уловимый интерес.

— Потому что человек может говорить что угодно. А глаза не врут, — ответила Алиса, глубже прячась в воротник куртки. — А у тебя там темнота одна. Я не знаю, чего от тебя ждать.

Повисла тишина.

Феликс молча смотрел на неё сверху вниз.

А ведь заметила.

В его опыте мало кто из уличных умел смотреть глубже внешних угроз. За её отчаянием и разбитым лицом проглядывал цепкий, опасный для неё самой ум.

— Встань так, чтобы ты мои глаза увидела, — потребовал Феликс.

— Давай посмотрю, — с тихим вызовом ответила Алиса.

Феликс сделал шаг в сторону, подставив лицо под тусклый, желтоватый свет фонарного столба АЗС.

Алиса подошла чуть ближе. Она смотрела на него снизу вверх — внимательно, вьедливо, словно разглядывала каждую деталь и намертво запечатлевала его образ в памяти. В её взгляде не было привычной клиентам кокетливости — только цепкое изучение.

Феликс всё это отметил. Внимание к деталям у этой девицы было недетским.

— Не передумал? — тихо переспросила она, выдержав паузу. — Брать меня на ночь?

— Нет, — коротко отрезал он.

— А куда мы пойдём? Куда поедем?

— Ко мне.

— Где живёшь?

— На Южной Борщаговке, возле рынка.

Алиса задумалась, перебирая в голове варианты. Борщаговка — район непростой, но выбор у неё был небольшой. Либо лавочка на вокзале, либо этот молчаливый мужик с холодными глазами.

Была не была.

— Сколько за ночь? — напомнил Феликс.

Алиса заколебалась, судорожно сжав пальцы на лямке сумки.

— Сто долларов, — выпалила она, попытавшись придать голосу уверенности. — Это восемьсот гривен. Только деньги вперёд.

Сейчас, с наливающейся синевой скулой и раздутой губой, она в глубине души была бы рада даже трём сотням гривен — лишь бы хватило на койку и еду. Но привычка торговаться до последнего сработала автоматически.

Феликс ничего не ответил. Он молча обошёл машину, открыл пассажирскую дверь и наклонился к бардачку. Достал оттуда большой, строгий органайзер из тёмной кожи — в таких обычно возят папки с документами и рабочие расчёты.

Щёлкнула молния. Под светом дверного плафона Алиса случайно бросила взгляд внутрь — и у неё перехватило дыхание.

Внутри всё было организовано с предельной чёткостью: аккуратные отсеки для документов, ровное отделение под гривны и плотный, тугий блок стодолларовых пачек.

Ни хрена себе... — пронеслось у неё в голове. — *Да там же целая квартира...*

На Окружной за такие суммы резали, не раздумывая. Но Феликс действовал без малейшей суеты. Он не копался и не выбирал — его пальцы мгновенно вытянули одну стодолларовую купюру из нужного отсека, словно он доставал не состояние, а проездной билет.

Он захлопнул органайзер, убрал его обратно в бардачок и протянул хрустящую «зелёную» бумажку Алисе.

— Держи, — коротко сказал он.

Алиса замерла, глядя на сотку в его пальцах. Ей стало не по себе. Её поразила не столько сумма, сколько это ледяное, абсолютное спокойствие. Человек из совершенно другого мира просто отдал ей месячную норму её жизни, даже не изменившись в лице.

Она осторожно протянула пальцы, забрала купюру и судорожно спрятала её в самый глубокий карман куртки.

— Садись, — повторил он, отступая от открытой двери.

Машина мягко тронулась и плавно выехала с территории АЗС на темную, полупустую Окружную. В салоне пахло дорогой кожей, хорошим табаком и ненавязчивым автопарфюмом

— контраст с въевшимся в одежду Алисы запахом перегара, дешевого табака и уличной сырости был оглушающим.

Феликс молча крутил руль, уверенно ведя тяжелую машину сквозь ночные сумерки.

Алиса вжалась в пассажирское кресло, судорожно сжимая в кармане хрустящую сотню долларов. Пальцы затекли, но она не могла разжать кулак. В голове наперегонки неслись лихорадочные, темные мысли.

Господи, хоть бы не как вчера... Хоть бы снова не попала...

Она пыталась зацепиться за логику: если он вытащил её вчера из рук тех беспредельщиков, то сегодня вряд ли станет обижать сам. Но за годы на панели Алиса научилась никому не верить. Улица быстро учит: прошлые заслуги клиентов не стоят ничего.

Бывали ведь и такие: в первый раз заплатят до копейки, притворятся шелковыми, а во второй — вывезут куда-то в глухие поля под Киевом, заберут деньги, отработают своё и выкинут из машины. И чеши потом в темноте по мокрой грязи час, а то и полтора до ближайшей трассы, сбивая ноги в кровь.

А бывали и «постоянники», которые полгода ездили нормально, а потом у них переключивало башку — и они сами же её обчищали, забирая всё до последней копейки, и бросали где-нибудь в лесополосе.

Алиса косо посмотрела на профиль Феликса. Спокойный, каменный, с тяжелым подбородком и нечитаемым взглядом. С таким даже не подраться, не вырваться. Если этот решит её выбросить за городом — она даже пикнуть не успеет.

Феликс, не поворачивая головы, боковым зрением заметил её судорожное напряжение.

— Чего дёргаешься?

Алиса вздрогнула от его голоса, дернула плечом и повернулась к нему. Глаза её всё ещё оставались настороженными, цепкими.

— Ты точно нормальный? — вырвалось у неё прямо, без уличных реверансов.

Феликс молчал секунду, уставившись на тёмную ленту дороги. А потом уголками губ чуть заметно повел — не усмешка даже, а скупая, редкая улыбка человека, который редко смеётся.

— После всего этого? Уже сам не знаю, — спокойно ответил он. — Но не переживай. Не извращенец и не маньяк.

Он на мгновение перевёл взгляд на её судорожно сжатый кулак, ушедший глубоко в карман куртки.

— И спрячь ты уже эти деньги в сумку. Порвёшь или сожмёшь так, что потом ни в одном обменнике не примут. У тебя их никто назад забирать не собирается.

Алиса замерла. Это простое, почти скучное замечание про обменники подействовало лучше любых клятв. Маньяки не думают о том, примут ли у тебя стодолларовую купюру в кассе.

Она медленно разжала затекшие, неслушающиеся пальцы. Достала смятую купюру, осторожно расправила её ногтем на колене и засунула во внутренний карман сумки, зашипнув молнию.

В салоне снова воцарилась тишина, но воздух между ними стал немного легче.

Южная Борщаговка встретила их привычным пейзажем спального района: провалившиеся в темноту серые панельные девятиэтажки, разбитый асфальт во дворах, тусклые одинокие фонари и редкие подержанные иномарки у подъездов.

Феликс уверенно закрутил руль, заезжая во двор. Плавнов остановился у одного из подъездов, мягко уткнувшись колесом в высокий бордюр. Он заглушил двигатель, и в салоне воцарилась полная, глубокая тишина, только тихо тикал остывающий мотор.

— Приехали. Вылезай, — сказал Феликс, забирая ключи.

Алиса выбралась из машины, пожившись от холодного сырого воздуха, и крепко прижала к себе сумку. Они поднялись на лифте на третий этаж. Феликс без суеты звякнул ключами, отпер тяжелую металлическую дверь и шагнул внутрь, щелкнув выключателем.

Алиса осторожно переступила порог — и замерла.

Квартира не была помпезным евроремонтом из глянцевого журналов, но она разительно отличалась от всего, что Алиса привыкла видеть у клиентов или в съемных квартирах. Это было мужское, абсолютно функциональное и до стерильности чистое жилье. Никакого хлама, разбросанных вещей или немытой посуды. В прихожей ровно стояли обувные пары, на вешалке висела только одна куртка, а в воздухе пахло не въевшимся перегаром или старыми тряпками, а свежестью, хорошим стиральным порошком и мужским парфюмом.

В гостиной на низкой темной тумбе стоял большой плоский телевизор «Sony». Ничего лишнего — только пульты, аккуратно сложенные рядом, да пара дисков в подставке.

Алиса медленно обводила взглядом комнату. После грязных съемных комнат, обшарпанных гостиниц и холодных улиц эта квартира казалась ей какой-то отдельной, безопасной планетой.

— Нифига себе у тебя порядок... — тихо, почти про себя пробормотала она.

Феликс тем временем спокойно разулся и снял пиджак.

Алиса замялась у порога, не решившись сразу пройти дальше. Вдруг в её голове вспыхнула новая, вполне естественная для её опыта мысль. Она нахмурилась и косо посмотрела на Феликса:

— Слышь... А ты женат? А то вернётся сейчас жена среди ночи — мне только скандалов с чужими бабами не хватало. Вдруг на пороге вырастет с кочергой?

Феликс даже не повернулся. Он спокойно снял часы, положил их на тумбочку у зеркала и только потом посмотрел на Алису. Уголок его рта снова слегка дёрнулся.

— С кочергой точно никто не появится. У меня печки нет.

Он сделал паузу, оценивая её напряжённую позу у порога, и добавил уже абсолютно серьёзно:

— А если тебе интересно, женат я или нет — отвечу: нет. Не женат. И никого здесь больше нет.

Алиса нахмурилась, всё ещё не снимая куртки и оглядывая его с ног до головы. В голове мгновенно вспыхнула и закрутилась привычная, въедливая мысль: *Мужик-то видный. Симпатичный, при деньгах, тачка нормальная, квартира чистая... И как его до сих пор ни одна баба не окольцевала? Не бывает так просто. Точно с ним что-то не то. Или псих тихий, или извращенец какой замаскированный.*

Улица приучила её к простому правилу: если всё выглядит слишком хорошо, значит, запашистая дрянь всплывёт чуть позже.

Феликс тем временем проигнорировал её лихорадочный, подозрительный взгляд. Он прошел по коридору, толкнул дверь ванной комнаты, щелкнул выключателем и достал с верхней полки свежее, развернутое махровое полотенце.

— Раздевайся, разуйся и иди в ванную, — сказал он тоном контролирующим, но без нажима. — Смой уличную грязь. Тапочки вон у порога.

Алиса кивнула, забрала протянутое полотенце с тапками и молча прошмыгнула в указанную дверь, аккуратно прикрыв её за собой на защёлку.

В ванной было светло, сухо и тепло. Она с опаской огляделась. На стеклянной полочке у зеркала ровным рядом стояли мужские гели для душа, шампуни от перхоти и пена для бритья. Никаких женских баночек, скрабов или ярких мочалок — абсолютно сухой, мужской набор.

Алису это неожиданно успокоило. Ей было глубоко побоку, чем мыть голову — мужским или женским, главное, что здесь была горячая вода, сухое полотенце и чистый кафель. К тому

же запах мужского геля с нотками цитруса и хвои ей всегда нравился больше, чем приторные уличные дешёвые духи.

Она включила воду, настроила нажим и с наслаждением подставила руки под горячую струю.

Феликс тем временем ушёл в спальню. Снял джинсы и жесткую рубашку, натянул свободные спортивные штаны и серую хлопковую футболку. Мышцы после напряжённого дня немного расслабились. Желудок напомнил о себе сухим урчанием — он не ел с самого обеда. Подумал было сделать бутерброды, но решил подождать, пока девица выйдет из душа: сначала спросит, что она вообще ест и насколько сильно у неё разбита губа.

Он вышел в гостиную, взял с тумбы пульт и щелкнул кнопкой телевизора.

Экран вспыхнул. Феликс нажал пару кнопок, прогоняя каналы. На ТНТ шёл очередной ночной выпуск «Дома-2» — какие-то люди на бревенчатых скамейках громко и бессмысленно орали друг на друга под софитами.

Он поморщился от этой глупой суеты, тихо хмыкнул и тут же переключил дальше — на спортивный канал, где тихим, фоновым голосом комментатор разбирал повтор футбольного матча.

Дверь ванной тихо щелкнула.

Алиса осторожно вышла в коридор.

Горячая вода смыла с лица остатки тонального крема и потекшей туши. Темно-русые волосы, еще влажные, прилипали к вискам и шее. Без привычного уличного макияжа она выглядела совсем иначе — моложе, беззащитнее. Но вместе с этим стали еще заметнее багрово-фиолетовый синяк на скуле и распухшая, рассеченная губа, которые уже невозможно было скрыть.

Феликс повернул голову на звук открывшейся двери.

Алиса стояла на пороге ванной, завернувшись в его белое махровое полотенце. Мокрые, тёмные пряди липли к шее и плечам. Без привычного слоя уличной косметики её лицо казалось совсем юным, но синяк на скуле налился тяжелой фиолетовой темнотой, а разбитая губа заметно опухла.

Только сейчас, когда на ней не было этой мешковатой, пропитанной сыростью куртки, Феликс заметил, насколько она миниатюрная. Не худая до истощения, как бывают законченные наркоманки, а просто небольшая, узкоплечая. Впрочем, разглядывать её фигуру он не стал — просто отметил про себя факт.

Он поднялся с дивана, молча прошёл в спальню и щелкнул дверцей шкафа. Достал из аккуратной стопки одну из своих домашних серых футболок из плотного хлопка.

Вернувшись в коридор, он протянул её Алисе.

— На, надень, — спокойно сказал он. — В этом тебе будет куда удобнее. Тебе она как платье будет.

Алиса замерла, переводя взгляд с его лица на чистую, пахнущую свежим парфюмом ткань в его руке.

Она осторожно взяла футболку, судорожно прижав её к груди поверх полотенца, словно щит.

— Спасибо, — тихо пробормотала она, едва слышно, и снова прошмыгнула в ванную, чтобы переодеться.

Через минуту она вышла. Огромная мужская футболка действительно висела на ней мешком, закрывая бёдра почти до колен, а длинные широкие рукава закрывали локти.

Феликс уже стоял у входа на кухню.

— Пошли, — кивнул он. — Надо сообразить что-нибудь поесть. Голодная?

Алиса коротко кивнула, не пытаясь изображать сытость. Желудок отозвался легким спазмом при одном только упоминании еды.

— Да... Голодная, — тихо сказала она.

Она осторожно переступила порог кухни и села на самый край стула, поджав под себя ноги. Кухня у Феликса была такой же, как и остальная квартира: строгая, чистая, с темной столешницей и никелированными ручками шкафчиков. Ни крошек на столе, ни грязных чашек в раковине.

Феликс подошел к широкому серебристому холодильнику и потянул за ручку.

Внутри не было горы кастрюль с домашними супами или контейнеров с едой. Феликс редко ел дома — утром выпивал чашку крепкого черного кофе и уезжал на работу, плотно и вкусно обедал в хорошем кафе неподалеку от своего магазина, а ужинал как придется, если задерживался на встречах. На полках лежал стандартный холостяцкий минимализм: лоток с яйцами, упаковка нарезки, пачка масла, пару сырков да немного свежих овощей.

— Сделаю горячие бутерброды и яичницу, — сказал он, доставая продукты на столешницу. — Огурцы с помидорами еще есть, нарежу. Будешь?

Алиса молча следила за его уверенными, точными движениями. Для неё такой набор казался чуть ли не царским ужином — горячая еда, приготовленная прямо сейчас, на чистой кухне, без пьяных криков и ругани на заднем плане.

— Буду, — пробормотала она, поплотнее запахивая на себе широкие рукава его футболки. — Спасибо.

Феликс достал сковороду, щелкнул конфоркой и принялся за дело.

Масло на сковороде весело зашкворчало, заливая кухню запахом жареных яиц и колбасы. Феликс нарезал помидоры ровными, аккуратными ломтиками и, не поворачиваясь к Алисе, как бы между прочим спросил:

— Тебе сколько лет-то?

Алиса на стуле чуть выпрямилась, вскинула подбородок и с какой-то вызовом-пропитанной гордостью ответила:

— Девятнадцать.

Феликс помешал яичницу лопаткой. Возраст был юный, но её уличная хватка и потухший взгляд давали знать, что за плечами у неё явно не парочка студенческих тусовок. Он выключил конфорку, повернулся к ней и опираясь спиной о столешницу, посмотрел ей прямо в глаза.

— Понятно, — спокойно проговорил он. И, сделав короткую паузу, добавил: — Если не хочешь — можешь не отвечать. Но скажи: как давно ты этим занимаешься? Ну... проституцией?

Алиса на мгновение замерла. В её глазах вспыхнули привычные настороженность и недоверие, она нервно дернула рукав огромной футболки. Несколько секунд на кухне висела только тишина, разбавляемая тихим тиканьем настенных часов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.